

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Иблис — музыкант

*Πῶς τ' ἄρ' σ' ὀμνήσω πάντως εὐθυ-
νον ἔόντα; πάντη γάρ τοι, Φοῖβε, νόμοι
βεβλήσονται ῥόθῃς ἡμὲν ἀν' ἡπειρον πορτι-
τρόφον ἠδ' ἀνὰ νήσους.*

Hom. Hymn in Apoll. v. 19—21.

*لقد عقد الشينخ الذي غرّ آدمًا
و أخرجه من جنة و حدائق
لوأعى فنون للقريض و للغنا
و أقسم لا يعطيها غير حاذق*

Kit. Agh. XXI, 233.

В своем отзыве о книге Шибля «*آكلم المرجان فى أحكام الجان*» Noeldeke высказывает предположение, что у арабов, так же как и у евреев, демонология была заимствована из Вавилонии, хотя и сочеталась с различными туземными воззрениями.¹

Этот взгляд, безусловно верный по отношению к евреям, во многом оправдывается и там, где дело касается арабов. Правда, у бедуинов доисламской эпохи, как и у всех примитивных народов, сильно было развито представление о духах, частью принимающих образ разных животных, частью совершенно невидимых и безличных, которыми, казалось им, была населена вся окружающая их природа.² Но уже во времена непосредственно

¹ ZDMG, Bd. LXIV, S. 439 ff. Под «Вавилонией», имевшей влияние на евреев, следует, конечно, понимать Персию, так как в поздне-библейское, а тем более в талмудическое время, о котором говорит Noeldeke, Месопотамия была подчинена Ирану; ср. Kohut. Jüdische Angelologie u. Dämonologie. Abh. f. Kunde d. Morgenl., Bd. IV, № 3, S. I. ff.

² Van Vloten. Dämonen, Geister u. Zauber b. d. alten Arabern. WZKM, Bd. VII, S. 169 ff., 233 ff.; B. VIII, S. 59. ff.—Robertson Smith. Religion of the Semites, p. 119 sq.—Wellhausen. Skizzen u. Vorarbeiten, III, S. 135 ff.

предшествующие Муха ммеду, а затем в Коране, сюда начинают примешиваться новые мифы, согласно которым духи, носящие старые названия джиннов, шайтанов и эфритов, обнаруживают черты идентичности с персидскими дивами. Таковы джинны созданные из огня,¹ к числу которых принадлежал Иблис, не пожелавший поклониться Адаму.² Таковы, также, предания о власти Сулеймана над духами,³ и о том, как один из них узурпировал его престол.⁴

Но особенно джинны выдают свое персидское происхождение, когда они взлетают к поднебесью, подслушивать слова ангелов, а те поражают их падающими звездами (شهب).⁵

Эти постоянно возобновляющиеся попытки, упорство которых удивляло неверующих современников Джахиза,⁶ на самом деле есть ничто иное, как вечно повторяющаяся атака дивов, штурмующих небо, стражами которого являются фравашаи, в образе «бесчисленных звезд».⁷ Иранские элементы, вошедшие в арабскую демонологию, получили значительный перевес в последующую эпоху, когда арабская культура стала развиваться

¹ Кор. XV, 27; LV, 14; ср. у Фирдоуси в описании борьбы Тахмураса с дивами (Vullers. *Schahname*, I, p. 22, v. 37): ز يكسو غو آتشی و دود دیو ز یکسو دلیران کیهان خدیو

² Кор. XVIII, 48; II, 32; VII, 10—17; XV, 29—43; XVII, 63—67; XX, 115; XXXVIII, 72—85. Рассказ о требовании Аллаха, чтобы ангелы оказали Адаму божеские почести (пали ниц перед ним), очевидно основан на каком-то мифе о Гайо Маратане. С точки зрения семита, требование Аллаха совершенно неприемлемо; любопытно, что в еврейских источниках легенда изменена: ангелы хотят поклониться Адаму, но бог (в другом варианте сам Адам) не допускает этого, см. Beresith Rabba-, п лшׁו; Pirkej-de-Rabbi Eliezer, רשׁו תלמ רבׁו. Мусульманские богословы, которым текст Корана доставлял немало затруднений, в конце концов сошлись на том, что падение ниц (سجود) было не поклонением (عبادة), а приветствием (تحية); см. Dyarbakri, Khamis I, 44 (ed. Cairo).

³ Кор. XXI, 82; XXVII, 17, 39; XXXIV, 11—13; XXXVIII, 36, 37. Эти легенды, известные уже доисламским поэтам, в основе своей восходят к мифам о персидских царях, повелевавших дивами; см. ZDMG, XXXI, S. 213; Kohut, o. c., S. 84; ср. *Schahname*, I, p. 22, v. 43; p. 23, v. 4; p. 24, v. 34 sq. p. 25, v. 50.

⁴ Кор. XXXVIII, 33. Потеря Соломоном престола, подробно разработанная в еврейском предании, очевидно восходит к мифу о Джемшиде, потерявшем hwarenô, см. Windischmann. *Zoroastr. Studien*, S. 144. Ашмодай (Эшма-дэва), отнявший у Соломона престол, у арабских комментаторов носит имя Сахра (Grünbaum. *Neue Beiträge z. semitisch. Sagenkunde*, S. 221 ff.) и в «Тысяча и одной ночи» упоминается, как один из царей над джиннами; см. *Alf leyla wa leyla* (ed. Bul. sec.), II, 432.

⁵ Кор. XXXVII, 6—10; LXVII, 5; LXXII, 8. Преданья эти, повидимому, были хорошо известны до Ислама, хотя Джахиз и считает нужным с этим спорить (см. *Kitabu l-Heiwan*, Cairo, VI, p. 53, 87 sq.).

⁶ *Kit. Heiw.*, VI p. 83.

⁷ О звездах-фравашах, охраняющих небо от нападения дивов и пери см. Mainyo-i-Khard, ed. West, p. 47, с. XLIX, 12 sq. В рассказе Бундехиша о нападении Ахримана, упо-

преимущественно под влиянием персидской. Джинны и эфриты, упоминаемые в послееламских текстах, чаще всего совсем утрачивают свои бедуинские черты¹ и так же, как персидские дивы, изображаются большинством богословов, как существа зловредные, гнусные и глупые.² Но дивы, по основной своей природе, вовсе не являются представителями отрицательного начала. Самое их имя, некогда, по-санскритски, обозначало богов света. Дошедшие до нас зороастрийские сочинения сплошь богословского характера. Этим и объясняется, что первоначальные «дэвы», случайно обратившиеся в последователей Ахримана, изображены там в исключительно мрачных красках.³

Но в арабской литературе, кроме богословских текстов сохранились также фольклорные; и тут мы видим, что джинны зачастую теряют все демоническое и являются в старом облике солнечных богов. Созданные из пламени⁴ и организованные в сложную иерархию, под началом царей и

минуты «ферохары вождей на сильных и чистых конях, с копьями в руках (стоящие) вокруг неба... на подобие тех, что сторожат за стеной». Bund. ed. Justi, p. 15, v. 5 sq. (с. VI). Это представление о звездах-стражах неба имелось также у эллинизованных поклонников Митры. В митраистической литургии (Dieterich. Eine Mythrasliturgie, S. 8) на миста, поднимающегося на небо, обрушиваются звезды, которые он должен умиловать заклинаниями; ср. со всем этим ~ Кор. LXXII, 8: *وإننا لمسنا السماء فوجدناها ملئت حرسا* и приведенный у Джахиза (Kit. Heiw. VI, 88) стих Афуаха Аудия: *كشهاب القذف يرميكم به فارس في كفه للحرب نار*.

¹ Таковы джинны, созданные из огня и организованные в виде войск (جنود) подобно персидским дивам, упоминающиеся у арабских писателей, как Диарбекри (Khamis, I, 32 sq.), Табари (Tabari. Annales ed. de Goeje, I, 81) и др., а также в «Тысяча и одной ночи» (Alf Leyla, II, 432 sq.).

² Мнения арабских богословов о джиннах собраны у Шибля (см. рецензию Noeldeke, о. с., S. 440 ff.); большинство их сводится к тому, что джинны существа зловредные и нечистые и что даже верующие из них не будут допущены в рай. Приписывание джиннам «глупости» (في الجنّ ظلم و جهل; см. S. 441) особенно характерно, как отголосок зороастрийского ученья об Ахримане. См. Darmesteter. Ormazd et Ahriman, p. 110—246.

³ В Шахнаме, единственном не религиозном тексте, сохранившем нам остатки иранского эпоса, солнечная природа дивов еще кое-где дает себя знать. Таково, например, описание царства дивов, земли Мазендеран, с ее вечной весной, цветами и поющими птицами (Schahname, I, p. 317, v. 29—39); таков также рассказ о познаниях дивов, научивших Тахмураса письму на тридцати языках (Schahname, I, p. 22, v. 43). И то, и другое стоит в резком противоречии с обычным взглядом зороастрийцев на Ахримана и подчиненных ему духов.

⁴ Огненная природа джиннов, признанная также в Коране и в богословских текстах, уже сама по себе выдает их происхождение. То обстоятельство, что джинны созданы из огня, т. е. из той же стихии, как и высшие духи-ангелы, несколько смущало мусульманских богословов. Чтобы как-нибудь выйти из положения, они утверждают, что ангелы созданы из света (من نور), а джинны из источника света (من عينها) горящего угля и всячески настаивают на этой разнице, хотя, в сущности, она не велика (Duarbakri I, 32).

цариц,¹ они обитают на горе Каф, той самой горе, составленной из изумруда и окружающей землю кольцом, из которой восходит и куда садится солнце.² Другие сказки помещают царство джиннов на морских островах, лежащих на краю мира, и, по всем видимостям, представляющих из себя не реальные географические местности, а страну восходящего и заходящего солнца.³

В краях, населенных джиннами, поражает обилие драгоценных камней и металлов.⁴ Их города построены из корналина, их дворцы из золота и красных яхонтов.⁵ А исследователями давно уже доказано, что там, где

¹ Alf leyla. Bresl. ed. XI, 436 sq.; Bul. ed. II, 432.

² Alf leyla. Bul. ed. II, 427; ср. Ibn Wardi, Kharidetu-l-Adjaib (Cairo), p. 15, 16. Гора Каф, из корня которой произросли все другие горы (Ibn Wardi, 16; ср. Bund., p. 21, v. 10 с. XII) заступает в арабской литературе место иранского Альборджа — жилища солнца, звезд и луны (Bund., p. 22, v. 8, 9, с. XII).

³ Острова Уак-Уак (Alf leyla, IV, 14, sq.), которые одни помещают в Японии (De Goeje. Le Japon connu par les Arabes. Merveilles de l'Inde ed. Van der Lith, exc. F.), другие в Мадагаскаре (Ferrand. Les géographes arabes et Madagascar. JA, Série X, v. 10, p. 450 sq.). Но эти острова, где золото так обильно, что из него изготовляют все предметы домашнего обихода (см. дальше), где течет поток кипящей смолы (Ibn Wardi, p. 115), и растет фантастическое дерево, плоды которого, постоянно падающие на землю, имеют вид людей и животных (Ferrand. Relations de voyages et textes géographiques relatifs à l'Extrême Orient, p. 470, 513, 563; Alf leyla II, p. 430; ср. с деревом Vas-Tuhmak, Bund., 63, 17—18 с. 27; Mainyo-i-Khard, LXII, 37 sq.), первоначально вряд ли могли быть найдены на географической карте. Здесь мы имеем обычное явление, хорошо известное из греческой мифологии (Berger. Mythische Kosmographie der Griechen, S. 16. Dieterich. НЕКΥΙΑ, S. 21, 25 ff.), одну из тех сказочных стран, лежащих на краю мира, где, по мнению создавших их людей, текут огненные реки, растет «древо жизни» и стоит золотой дворец солнца. Впоследствии, с расширением географических понятий, страны эти переносятся в какое-нибудь определенное место. Так, страна света, Ликия, очутилась в Малой Азии, «красной поток», Эридан превратился во французскую Рону. «Красная Земля», Финикия, долго блуждала с места на место, пока окончательно не утвердилась на сирийском побережии (Crusius-Roscher, lex. II, 784). Конечно, и острова Уак-Уак, при развитии мореплавания, могли быть локализованы в Японии, Мадагаскаре, или одновременно и тут и там. Но настоящее их место *πρόην κλιτοῦ Ὀρεσίου* где-нибудь по соседству с островом Гесперид.

⁴ На островах Уак-Уак, по мнению арабских географов, из золота строятся здания, делаются платья, оружия, сбруя, ошейники для собак и цепочки для обезьян (Ibn Wardi, 114; Ibn Khurdadbeh ed. De Goeje, p. 69; Carra de Vaux. Abrégé des Merveilles. Actes de la Société Philologique, XXVI p. 57). Ср. также обилие драгоценностей в сказке о Тухфату-ль-Кулюб (Alf leyla, Bresl. ed. XI 435 sq.).

⁵ *مدينة العقيق وقصر الذهب* — Alf leyla, III, 203; *قلعة الجوهر* в сказке о Джаншахе — Alf leyla II, 475. Последняя сказка поразительно напоминает шведскую сказку «Det Sköna Slottet» (Hylten-Cavallius och Stephens. Svenska Folk-Sagor och Äfventyr, In 80), где солнечная птица Феникс приносит героя к замку из золота и серебра, блестящему как само «солнце» («likt sjelfvaste solen» о. с. в., p. 148).

в сказке говорится о золоте и дорогих камнях, — в первоисточнике следует искать солнечного света.¹

Верховным повелителем джиннов является Рух, гигантская птица, живущая на Кафе, каждый день прилетающая к людям из-за моря и носящая все признаки воплощенного солнца.² Сами джинны, как и многие солярные божества, постоянно принимают облик птиц³ или пользуются для передвижения крылатыми конями.⁴

Но особенно характерны сказки, где говорится о джиннах-женщинах. Женщины эти иногда являются людям, на время становятся их женами, потом, улучив удобную минуту, улетают на родину, откуда, в конце концов, муж достает их обратно, преодолев невероятные трудности.⁵ Здесь мы имеем обычный миф о богине, воплотительнице солнечного света и небесных вод, которую отвоевывает себе смертный герой.⁶

¹ Золотые орудия и поверия о цветах, открывающих клады, в связи с культом солнца (Frazer. *The Golden Bough*, VII, 57, 71, 72, 287, 291). Из мифологии и сказок наиболее пре-
гнантные примеры: золото Данаи (Frazer, VII, 73, 74), золотые атрибуты (оружье, одежда) световых богов (Darmesteter, 34, 111, 125, 126, 280 и 281), золото и клады, охраняемые драконами или муравьями (Darmesteter, 150, 282), курица с золотыми яйцами, осел с золотым навозом (Darmesteter, 282) и т. д. Ср. также немецкую сказку о принцессе из золотого царства (Grimm. *Kinder u. Hausmärchen*, № 6) и медное, серебряное и золотое царство у царевен, сестер жар-птицы (Смирнов. Сборник великорусских сказок. Архив РГО, вып. I, № 5).

² Zotenberg. *Histoire d'Alâ-al-Din ou la lampe merveilleuse*, p. 80. Что птица Рух имеет все атрибуты солярных птиц (громовой голос, борьба со змеями, стерегущими клад, свойство возвращать молодость старикам и т. д.), мы пытались доказать в нашей статье: *The bird-episode in Lucian's veracious history. Volume of Oriental Studies in honour of Dastur-Paury*. Образ гигантской птицы, воплощающей солнце, хорошо известен в мифологиях всех народов. См. для греческого и римского мира: Cumont. *L'aigle funéraire des Syriens. Revue de l'histoire des religions*, т. 62, p. 119 sq.; Deubner. *Die Apotheose d. Antoninus Pius. Röm. Mitteil.* A. 1912, № 1, S. 1 ff.; Thomson. *A glossary of Greek birds*, см. статьи 'Αλιέτος, 'Αλκίον, Κόκνος, Φοίνιξ; для Египта: Maspero. *Histoire ancienne*, p. 88, 89; для Ассирии и Вавилонии: Sarre. *Die altoriental. Feldzeichen.* Klio, III, S. 333, 336, 337, 339; для персов: Dalberg. *Simorg, der persische Phenix* (von Hammer. *Fundgruben des Orients*, I, S. 199). В русских сказках роль воплощенного солнца играет жар-птица, сокол, Маговей, страус и др.

³ Alf leyla, II, 454; III, 197—198; 422 sq. Bresl. ed. IV, 129, XII, 7.

⁴ Alf leyla, III, 205; Bresl. ed., XI, 434. Крылатые кони и другие крылатые четвероногие, воплощающие солнце, так же известны в мифах и сказках, как солярные птицы. См. Deubner, о. с. S. 7; Cumont, о. с., p. 153 sq. О солнечных конях в немецких, словацких и русских сказках см. Афанасьев. *Русские сказки*, 1873, IV, стр. 117.

⁵ Сказка о Джаншахе Alf leyla, II, 454 sq., о Хасане Басрийском, III, 422—IV, 72.

⁶ Darmesteter, p. 98—99, 150, 170, 171, 176, 207. Таково в персидской литературе сказание о Пери-Духт (Spiegel. *Die Sage von Sam und das Samname*, ZDMG, III, 245 ff.). В греческой мифологии сюда относится сказание о Мееде, в немецких сказках сказка о принцессе из золотого царства (Grimm, № 6), в шведских — «*Det sköna Slottet*» и

Однажды, когда эта невольница, искусно владевшая лютней, играла одна у себя в комнате, она вдруг увидела красивого, седовласого шейха, танцовавшего под ее игру. Когда она кончила, он обратился к ней с приветом и спросил, знает ли она его? «Нет, клянусь Аллахом, ответила невольница, но думаю, что ты из джиннов». «Ты права», сказал посетитель, «я шейх отрядов, Иблис».¹ Далее, он просит ее, от имени всех джиннов, приехать поиграть им на лютне. Тухфат соглашается, Иблис сажает ее на крылатого коня и переносит в страну джиннов, пзобилующую прекрасными садами и драгоценными дворцами. В течение двух дней Тухфат играет им на лютне, причем и джинны и сам Иблис пляшут под ее музыку. По истечении этих дней, Иблис заявляет, что много раз учил игре на лютне Исхака Маусилия,² предлагает поучить также и невольницу и показывает ей новые приемы игры. «И стало ей ясно, что ее первоначальная игра вся была ошибкой, а что то, чему она научилась от шейха отрядов, Иблиса — это и есть основа».³ Другая сказка, сохранившаяся в булакском издании «Тысячи и одной ночи», повествует о том, как Иблис, под видом нарядного и надушенного шейха, внезапно проник к Ибрагиму Маусилию, когда тот сидел один со своими женами.⁴ Снисходительно одоббив музыку Ибрагима, что приводит последнего в величайшую ярость, шейх сам берется за лютню. «И мне показалось, говорит Ибрагим, что лютня заговорила красноречивым арабским языком... и, клянусь Аллахом, я подумал, что дверь, и стены, и все, что есть в доме отвечает ему и поет с ним вместе, из-за красоты его голоса. И, даже, мне почудилось, клянусь Аллахом, будто я слышу, как мои члены и платье отвечают ему».

Научив Ибрагима нескольким новым мелодиям, Иблис исчезает также внезапно, как и пришел. Узнав, наконец, кто был его таинственный гость, Ибрагим на следующий день рассказывает свое приключение Рашиду и поет ему заимствованные от Иблиса песни. «О, если бы он усладил меня хоть один день своим обществом, как усладил тебя», восклицает халиф.⁵

¹ شيخ الطوائف إبليس — подразумеваются отряды джиннов.

² حضرت معه مَرَات و آوَرِيته من العود مواضع XII, 10.

³ (ibid.) فقد بان عندها أنّ ضربها الأوّل كان جميعاً خطأً و أنّ الذي تعلمته (ibid.) من شيخ الطوائف إبليس هو الأصل

⁴ Alf leyla, III, 250 sq.

⁵ Другой рассказ о том, как Иблис явился к Исхаку Маусилию, под видом слепого музыканта, — см. Alf leyla, III, 263 sq.

В заключение, приведем предание, связанное с Мухариком, известным певцом эпохи Рашида и последующих халифов.¹ «Однажды, когда я был молод», рассказывает Мухарик, «мне привиделся шейх, сидевший на троне в прекрасном саду». Подозвав Мухарика, шейх попросил его что-нибудь спеть, а затем взял одну из струн лютни, обернул ее вокруг плектра и вручил певцу. «И начал плектр удлиняться и утолщаться, а струна развиваться и расширяться, пока плектр не стал, как копье, а струна, как ткань от флага на нем — и стало это в моей руке знаменем».

Когда Мухарик, проснувшись, сообщил свой сон своему учителю Ибрагиму Маусилию, тот пояснил ему: «Шейх, без сомнения, Иблис — он повязал тебе стяг твоего ремесла и ты, пока жив, будешь главой всех занимающихся им». «И я думаю, продолжает автор книги, что поэт, восхвалявший Мухарика, подразумевал это видение, когда сказал:

Тот шейх, чьих коварных слов послушав, отец Адам,
 Был изгнан творцом на-век из райских садов своих,
 Для пения и для стихов два стяга назначил нам,
 И клялся, что лишь певец искусный получит их.»²

Итак роль Иблиса в мифе выяснена окончательно. Он не только любитель музыки, не только превосходит своей игрой наилучших певцов и музыкантов, но является в этой области каким-то верховным богом, рукополагающим в музыканты всякого кого захочет.³ Что же означает эта связь Иблиса с музыкой?

Чтобы понять ее мы должны сделать отступление и рассмотреть солнечные мифы с их звуковой стороны.

¹ Kitabu-l-Aghani, XXI (ed. Brünnow), 232 sq.

² Любопытен также анекдот, приведенный в Kit. Agh., IX, 53 об Ибрагиме-ибн-Махиде. Хвалясь своим искусством в музыке, Ибрагим клянется, что к нему являлся сам Иблис, учил его игре на трубе и пению (النقر و النغم) и в заключение сказал: «Иди, ты принадлежишь мне, а я тебе» (اذهب فأنت منى و أنا منك).

³ Насколько такой взгляд был распространен, видно из имени (вернее прозвища) «дочь Иблиса» которое носила одна певица. Kit. Agh. XXI, 230. Ср. также песню Мухарика: نعم الفسيلة غرس إبليس في الأرض (Kit. Agh. XXI, 234). Интересно, что такое воззрение на Иблиса отразилось также в богословской литературе: Duarbakti, I, 49—50. Иблис, будучи в раю, привлекает Адама и Еву игрой на свирели (مزمار). См. также Kazwini ed. Wüstenfeld, p. 368. Согласно цитате приведенной Goldziher'ом (Abhandlungen zur arabischen Philologie, I, 15; Salvador Daniel. La musique arabe, p. 106 sq.) музыка никогда не могла проникнуть в мусульманское богослужение именно потому, что считалась произошедшей от дьявола.

Как доказал Darmesteter, облик солнечных богов часто сливается с обликом богов грозы, — очевидно вследствие того, что гроза влечет за собой появление солнца. Этим объясняется, что грозовые боги часто имеют солярные атрибуты, например наличие только одного глаза.¹

В нашей статье «The bird-episode in Lucian's veracious history», мы приводим примеры обратного: солярные боги иногда принимают черты божеств грозовых.² Самым же ярким грозовым признаком является гром.

В мифах имеется не мало примеров, где само появление солнца сопровождается громом.³ Впоследствии, это свойство переносится и на солярные божества.⁴ Отсюда, например, громоподобный голос Руха, а также смех джиннов, напоминающий раскаты грома.⁵ Но, по мере того, как миф удаляется от своей натуралистической основы, все сопровождающие его явления изменяются, принимая иную, более человеческую форму.

Там, где первоначально был гром, звук его, в последующих сказаниях, переходит в смех,⁶ в голоса двух спорящих,⁷ в пророческие вещания⁸ и, наконец, в музыку.⁹

¹ Darmesteter, p. 32.

² Борьба с драконом, охраняющим клад, первоначально была делом бога молнии; впоследствии она переходит к божествам солнца: такова борьба Пегаса с Химерой, Аримаспов с грифами. Свойство метать камни и стрелы, присущее Аполлону, Полифему и Руху, также первоначально принадлежало божествам грозовым.

³ В митраистической литургии (Dieterich. Eine Mythrasliturgie, S. 10) гром исходит из солнечного диска. В Апокалипсисе Баруха (Kautzsch. Die Apokryphen und Pseudepigraphen d. Alten Testaments, II, S. 458), восход солнца сопровождается громоподобным отмыканием трех сот шестидесяти пяти райских ворот. Согласно Табари (Tabari, Annales, I. 68, ed. de Goeje = Bel'ami, Ta'rikhi Tabari. Sawnpore, p. 13—14), на Востоке и на Западе стоят два города; и если бы не громкие голоса их жителей, весь мир слышал бы грохот, производимый солнцем при восходе и закате; ср. Goethe, Faust, Akt I: «Es tönt die Sonn', in alter Weise, in Brüdersphären Wettgesang, und die voraus verschriebene Reise vollendet sie mit Donnergang».

⁴ В греческой версии общеарийского мифа о краже небесных стад у солнечного бога, явление это представлено рационалистически; шум (*δρυμαυδός*), который производит Полифем, появляясь перед пещерой, объясняется, как грохот вязанки дров, которую он бросает на землю (Od. I, 234—235). Но в персидской версии, сохранившейся по-арабски, великан, воплощающий солнце, появляясь грохочет каждый раз без всякой видимой причины (Alf leyla, III, 19, 20).

⁵ Alf leyla, III, 32, Bresl. ed. XI, 439; ср. также, в русской сказке, высокая гора, на которой «стук стучит и гром гремит», потому что на ней царь-девица катается (Афанасьев, № 104, h).

⁶ Darmesteter, 191—*ἄσβεστος γέλως* греческих богов.

⁷ Darmesteter, 200—205; диалог Эдипа со сфинксом; искушение Заратустры, и т. д.

⁸ Darmesteter, 189—208 «вещи птицы» — Каршиптаг, Симуург, ворон; божественные пророки, как Заратустра и др.

⁹ Darmesteter, 207: Le tonnerre est le chant du ciel: de là dans la mythologie brahmanique, les Gandharva, les amants des Apsaras, transformés en musiciens célestes. О других примерах приведенных здесь Дармстетером будет упомянуто ниже.

Особенно ярко этот переход сказывается на солнечных птицах: голос Руха подобен грому, и только; но вот, например, в сказке Гримма «Der Machandelboom», чудесная птица, появившаяся в пламени, из древа жизни, действует своим пением уже двояко: голос ее, раздающийся в ушах ее врага, как шум грозы и бури, для людей, к которым она относится хорошо, звучит приятной мелодией.¹ В сказке о говорящей птице, сохранившейся у Galland,² вещий Bulbulhezar не только является пророком и главой всех птиц, как персидские Каршипан и Симург, но и превосходит их всех в громком пении.³

Таким же певцом считался греческий Феникс,⁴ а также все другие птицы воплощающие солнце, все равно наделены ли они от природы голосом или нет.⁵

Гром может переходить и в струнную музыку. Так, в русских сказках, волшебный город Царь-девицы охраняется, от посторонних вторжений громом барабанов и пением струн.⁶ В последующем развитии, барабанный гром исчезает, но пение струн остается. Отсюда русские сказки о гусях-самогудах,⁷ которые герой добывает из-за моря, шведские и английские сказки о золотых, самоиграющих арфах.⁸

¹ Grimm, № 47, Machandelboom — Wacholder, дерево молодости. О связи птицы — солнца с древом жизни, см. Dalberg, о. с. В персидской версии той же сказки (Lorimer. Persian tales, XIV) птица называется Bulbul (соловей); ср. дальше Bulbulhezar.

² Galland. Les mille et une nuits. A. 1876, v. III, p. 439: Histoire des deux soeurs, jalouses de leur cadette, voir p. 452 suiv.

³ P. 491: «Il a le chant éclatant audessus de tous les oiseaux». Интересно, что когда героиня впервые подходит, чтоб овладеть птицей, та старается отпугнуть ее громовым голосом (d'une voix de tonnerre, p. 471). Также в дневнике Galland (Zotenberg, p. 65): «L'oiseau la maltraite de paroles à grosse voix, plus que sa grosseur à étonner». Bulbulhezar имеет также то свойство, что подпевать к нему слетаются все другие птицы. О Каршипане и Симурге см. Bund; p. 57, v. 19, 20 p. 58 v. 1.

⁴ О песне Феникса при восходе солнца см. Roscher. Lex, III, 3455.

⁵ Такова предсмертная песнь лебеди (гром солнца перед закатом!) и «жалобный крик» (γοερά φωνή) зимородка, — крик которого, на самом деле, вовсе не существует (см. Thompson, о. с. статья "Αλκυών").

⁶ «Барабаны загремели, струны запели» Афанасьев, № 104. В других вариантах пение струн сопровождается звоном колоколов и колокольчиков (№ 104, a, d, e, f, g).

⁷ См. Ончуков. Северные сказки. Записки РГО по отд. этногр., т. XXXIII, №№ 116, 151; Смирнов, № 4; ср. в этой же сказке стр. 35, жилище страуса, где по всем стенам висят «гусли, гитары и балалайки».

⁸ В английской сказке «Jack and the bean-stalk» мы имеем трехкратный солярный мотив: мальчик похищает с неба курицу, несущую золотые яйца, мешки с золотом и золотую самоиграющую арфу. Также построена шведская сказка «Pojken som stal Jättens Dug-gripar»,

Наконец, в случаях антропоморфизма, легенда приписывает солнечным богам и героям искусство петь¹ и играть на различных инструментах.² Сказочные страны, посвященные солнцу, сплошь населены певцами и музыкантами,³ даже их ручьи и деревья производят мелодические звуки.⁴

Скажем в заключение, что как у митраистов солнечный диск издает звуки грома, также в пифагорейской и орфической литературе, к самому солнцу прилагается эпитет «игрока на свирели»⁵ (*ἥλιος σουργικῆς*).

Все это дает нам основание думать, что музыкальные наклонности Иблиса явление не случайное, что два стяга, о которых упоминает арабский поэт, принадлежат ему по праву. Ведь и Аполлон, в греческом мифе, благодаря своей солнечной природе, сделался не только богом-стрелком, богом-прорицателем, пастухом, сначала небесных, а затем земных стад,⁶ по также законодателем музыки и всех видов пения «и на кормящем коров материке, и на островах».

Р. Эрлих.

где герой покидает золотой звенящий меч, трех золотых куриц, золотой фонарь и золотую арфу; в другом варианте, золотого козла, увешанного колокольчиками (Svenska Folk-Sagor, 3, A, B).

¹ Первоначально, главным признаком этого пения был, очевидно, его громкий звук, Таковы, звонкоголосые (*ἀγρόφωνος*) Геспериды и дочь Гелиоса «громкозвучная» Кирка (*Κίρκη ἐδπλόκιμος δεινὴ θεὸς ἀυδήεσσα ἀτοκασυγνήτη ὀλοόφρονος Ἀλήταο, ἀμφο δ' ἐκγεγάτην φασσιμβρότου Ηελίοιο*, Od. К 136—139; см также 220, 221).

² Таков Орфей (о его солярном характере см. Siecke. Liebesgeschichte des Himmels), и герой шведской сказки «De tre Hundarne», играющий на свирели (Svenska Folk-Sagor, 18). Золотые колокольчики на красных шапочках у эльфов, такие мелодичные, что за ними следует стада (Folk-Sagor «Vallage Mannen», № 6; Arndt. Die sieben Berge bei Ramin) являются, конечно, таким же солярным признаком, как их стеклянные башмачки. Darmesteter, p. 207, приводит флейту Иамы и песни небесной девушки в Эдде.

³ de là, dans l'Avesta, le ciel d'Ormazd, devenant le garð demânem «la maison des chants». Darmesteter, p. 207. О солнечных странах у греков, см. Dieterich. *ΝΕΚΥΙΑ*, 37.

⁴ О поющих деревьях см. Darmesteter, p. 206, Dieterich, S. 37. О поющем ручье в царстве вечной юности, — шведскую сказку Ungdoms Landet (Folk-Sagor, № 9).

⁵ Dieterich, S. 37.

⁶ Пастухом небесных стад Аполлон является в гомеровском гимне Гермесу (Ном Нумп. Мерс., v. 68 sq.). Отсюда — его земная служба у Адмета, во время которой он заставлял плясать зверей, под звуки свой кифары (Eur. Alcest., v. 569—587).